

Е.К. Ковалева

**ОСОБЕННОСТИ АВТОКОММУНИКАЦИИ В ИСПОВЕДАЛЬНОЙ
ПРОЗЕ Ж.-Ж. РУССО.**

Видный российский теоретик литературы В.И. Тюпа называет аксиомой современного теоретического знания о литературе мысль о коммуникативной природе художественного творчества. Изучение коммуникативного своеобразия эстетического дискурса ученый считает актуальной задачей литературоведения. Этот дискурс В.И. Тюпа, вслед за Т.А. Ван Дейком, именуется *коммуникативным событием* (выд. В.И. Тюпой), то есть «неслиянным и нераздельным со-бытием субъекта, объекта и адресата некоторого единого (хотя порой весьма сложного по своей структуре) высказывания [7, с.80].

Явление художественной коммуникации рассматривается ныне через призму триады автор – произведение – читатель. Изучение каждой из этих категорий как компонентов внутритекстовой структуры произведения началось еще в 70-х годах XX века в исследованиях европейских (В. Изер, Х.-Р. Яусс, У. Эко, П. де Ман, Ж. Деррида) и российских (М. Бахтин, Ю. Лотман, Б. Корман) ученых и продолжается донныне. Коммуникативные стратегии, протекающие по-разному в разных «речевых жанрах» (М. Бахтин), – актуальный объект не только теоретических, но и историко-литературных работ. К плодотворным образцам применения теории художественной коммуникации можно отнести монографию А.Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» [6].

В данной статье мы будем опираться на семиотическую концепцию автокоммуникации, разработанную Ю. Лотманом. По Ю. Лотману, в культуре и – уже – в художественном тексте возможны два способа передачи информации. Первый связан с передачей в направлении «Я – Он», где «Я» – это субъект передачи, обладатель информации, «Он» – ее объект, т. е. адресат [3, с. 166]. Второй способ коммуникации обозначен Ю. Лотманом как направление «Я – Я». Здесь второе «Я», воспринимающее, функционально приравнивается к третьему лицу. Происходит не просто передача некоего сообщения самому себе, – тому, кому оно и так уже известно. Ключевой момент лотмановского построения заключается в том, что информация в процессе передачи должна обязательно подвергнуться качественной трансформации, изменению, приобрести новое свойство. «Сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл» [3, с. 166]. В результате адресат автокоммуникации (второе «Я») «внутренне перестраивает свою сущность» [3, с. 172], другими словами, поднимается на иной (возможно, более высокий) уровень знания.

Одним из случаев проявления автокоммуникации Ю. Лотман считает жанр дневниковых записей. Они «делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» [3, с. 165]. Именно это «уяснение», упорядоченное понимание самого себя и есть

трансформация сообщения, которая поднимает адресата на иной уровень самосознания.

Представляется правомерным такой вопрос. Могут ли быть организованы по принципу автокоммуникации другие формы «личной литературы». Ведь художественный «рассказ о себе» часто сочетает элементы и дневника, и автобиографии, и мемуаров, и исповеди. В ходе повествования один жанр переходит в другой и границы между ними оказываются зыбкими и неустойчивыми. (Хотя, разумеется, никто не отрицает целесообразности теоретического разграничения смежных жанров). Возможна ли одновременная передача информации в направлениях «Я – Он» и «Я – Я», адресованность создаваемого текста и Другому, и себе, например, в исповедально-автобиографической литературе. Какие каналы (или канал) коммуникации задействованы в столь значительных произведениях европейской исповедальной прозы как «Исповедь» и «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо? Цель данной статьи – выявить особенности феномена автокоммуникации в «Исповеди» и «Прогулках одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо. Выбор произведений обусловлен, во-первых, их связью – тематической, мотивной, эмоциональной. Во-вторых, тем фактом, что сам Руссо обозначил «Прогулки» как придаток к «Исповеди» [5, с. 572], а значит, они были задуманы им как некое ее продолжение.

Сама «Исповедь» содержит мощный канал коммуникации, когда поток информации передается от «Я» к «Другому». Это объясняется несколькими факторами. Прежде всего, традиционной для XVIII века стилистикой текста с частыми обращениями к читателю, ведением воображаемой беседы с ним. Подобную манеру повествования можно наблюдать, например, в «Жак-Фаталисте» Дидро, «Сентиментальном путешествии» Стерна. Кроме того, ярко выраженная адресованность Другому стала инструментом реализации авторских интенций Руссо: самоисследования и самозащиты. На уровне метатекста и текста обе интенции обозначены довольно четко. Пафос самозащиты и самооправдания Руссо использует, повествуя о своих конфликтных отношениях с обществом, влиятельными покровителями, энциклопедистами. Излишне эмоционально, иногда предвзято и субъективно он утверждает, что бывшими друзьями организован «заговор» с целью его дискредитации в глазах публики. (В наши дни такую акцию могли бы назвать «черным» пиаром)¹. Совершенно логично, что такая информация направляется по каналу коммуникации «Я – Он». Его, адресата, Другого Руссо стремится убедить в своей правоте, по выражению М. Бахтина, стремится как бы к полному слиянию с адресатом [1, с. 202]. Причем писателю важно привлечь на свою сторону не отдельного читателя, а максимально возможное их

¹ Нужно отметить, что со стороны бывших друзей и покровителей недоброжелательное отношение к Руссо действительно имело место. Но документы и переписка участников конфликта, проанализированные М. Раймоном и Б. Ганебеном, свидетельствуют о сильном преувеличении Руссо масштабов «заговора» [8].

количество. Для этого задействуются формы обращений, воображаемого диалога с разными типами читателей²:

I) Конкретный адресат, обладающий определенными биографическими чертами и соотносящийся с реальным автором (близкий автору, вызывающий доверие).

II) Абстрактный читатель – современник или потомок:

1) читатель, гипотетически враждебный автору;

2) широкая публика;

3) читатель доброжелательный, способный на независимую оценку.

III) ИмPLICITный (виртуальный) читатель, образ которого создается по мере развертывания текста.

Руссо не только беседует с современниками и потомками, часто он навязывает свое мнение, втягивает читателя в перипетии повествования с требованием рассудить, кто прав в сложившемся конфликте. Однако при этом не забывает подсказывать «верное» решение. Требования, которые Руссо выдвигает читателю XVIII века (со-понимания, со-чувствия, со-переживания), сопоставимы с отношением к читателю в постмодернистской литературе. Читателю века XX, по выражению Я.О. Полищука, также «належит вникати в тонкощі тексту та співтворити художню візію світу разом з автором» [4, с. 283-284], «умова співучасті читача стає неодмінною умовою співрозуміння, на яке сподівається автор» [4, с. 283-284].

Канал коммуникации в «Исповеди» работает мощно и интенсивно, что обусловлено организацией всего текста и интенцией самозащиты. Вторая интенция Руссо – самооправдательная – получает иную коммуникативно-художественную реализацию. Руссо провозглашает важность понимания внутреннего «я», образ которого формируется посредством детальнейшего самоизображения. Глубоким психологическим самоанализом, вниманием к мельчайшим движениям души писатель утверждает идею ценности отдельно взятой личности. Стремление донести эту мысль до Других определяет коммуникативную направленность подобных высказываний. В то же время в ходе самоанализа и «всматривания в себя» Руссо-автор остается как бы наедине с самим собой. Он проникает в тончайшие нюансы собственных душевных движений, осмысливает их, вербально формулирует внутренние ощущения. Параллельно с исповедальной установкой, ориентированной на Другого, возникает установка на самоадресацию. Руссо-адресат получает упорядоченное, осмысленное представление о Руссо-адресанте, о самом себе. Так, повествование о своем детском воровстве в прошлом приводит Руссо к размышлению о деньгах и своем отношении к ним в настоящем. Он обнаруживает в себе «соединение почти скаредной скупости с величайшим презрением к деньгам» [5, с. 38]. Герой (вторичный автор) совершенно не умеет разумно распорядиться денежными ресурсами, видя в них лишь средство для

² Предложенная типология разработана и теоретически обоснована в нашей статье [2].

приобретения нужных или полезных вещей. Нестабильность материального положения вынуждает его к скупости, отсюда и презрительное отношение к деньгам. Такова рефлексия, адресованная и Другим, и себе. Вывод в духе максимы Ларошфуко очевидно направлен по каналу коммуникации: «Деньги, которыми обладаешь, – орудие свободы; деньги, за которыми гонишься, – орудие рабства» [5, с. 38].

В «Исповеди» передача информации осуществляется по двум каналам – коммуникативному («Я – Он») и автокоммуникативному («Я – Я»). Доминирующим является канал «Я – Он». Это напрямую связано с жанровой природой исповеди, которая, по М. Бахтину, предполагает непременно наличие адресата и «его ответное понимание» [1, с. 203]. Иную картину являют «Прогулки одинокого мечтателя». Они писались на склоне лет, после ссор и публичных скандалов, связанных с именем и творчеством Руссо. Одиноким, добровольно изолировавший себя от всех, писатель живет в Париже и совершает в его окрестностях ежедневные прогулки.

В жанровом облике «Прогулок» (наряду с исповедью, автобиографией, прогулкой) важным является дневниковое начало. Установка на автокоммуникацию четко декларирована: утвердившись во мнении, что общество Несправедливо и враждебно к нему, Руссо резко отказывает современникам в доверии. На протяжении всех девяти прогулок (последняя, десятая прогулка осталась незавершенной, ее написание было прервано смертью Руссо) неоднократно повторяется ориентировка на самоадресацию. В качестве задачи Руссо определяет подведение итогов жизненного пути и самоизучение. Он стремится в ходе самоанализа выявить новое знание о себе. «Если путем размышленья о своих душевных склонностях я получу возможность внести в них больше порядка и устранить зло, которое, может быть, там еще остается, размышленья мои не окажутся вовсе бесполезными» [5, с. 575].

Параллельно с автокоммуникацией в «Прогулках» функционирует и канал коммуникации. Об этом свидетельствуют художественная форма самоосмысления, формальная разбивка текста на прогулки с их нумерацией, тематичность: каждая из прогулок посвящена конкретной теме. Продумана композиция внутри самих прогулок: конкретная ситуация прошлого или настоящего – размышление на тему, заданную этой ситуацией – вывод. Повествование организовано таким образом, чтобы оно было понятно адресату, читателю, Другому. Например, сообщается предыстория решения писать «Прогулки» [5, с. 572].

Внутри повествования передача информации идет поочередно, а иногда и одновременно по двум каналам. Это можно наблюдать в Прогулке второй. Указана ее точная дата: четверг, 24 октября, после обеда. Подробно дано описание самой прогулки по склонам Менильмонта в окрестностях Парижа, любование растениями, природой. В деталях описано, как, возвращаясь домой! Руссо был сбит с ног собакой, которая быстро бежала впереди кареты хозяина!

Отдельно зафиксирован ущерб (довольно серьезный), нанесенный физическому здоровью Руссо. Сообщение обо всем этом несомненно адресовано Другому, так как сам отправитель информации уже знает фактическую часть произошедшего. Далее сообщение направляется и по каналу автокоммуникации. Резонанс, вызванный событием в парижском обществе, сплетни о Руссо и предполагаемые козни недоброжелателей – рассказ об этом может быть адресован и Другим, и самому себе. Вывод, сделанный Руссо, направлен себе как адресату. Неблагоприятные обстоятельства прожитой жизни и злонамеренные сплетни недоброжелателей, по его мнению, переплелись и сформировали его судьбу. Судьбу как заранее предопределенную и неизбежную участь отдельно взято человека. И все это предзадано «совершенным существом» [5, с. 585], то есть Богом. Руссо проявляет религиозное смирение: непротивление судьбе, испытаниям, посланным Богом. «Бог справедлив; он хочет, чтоб я страдал, делает так, чтоб я был невинен. Вот основания моего доверия» [5, с. 585]. Подобных мотивов нет в «Исповеди», там доминирует прямая коммуникация Другими в неотступном стремлении доказать им свою правоту.

В «Прогулках» передача информации осуществляется преимущественно в режиме автокоммуникации. К Прогулке третьей Руссо дает эпитафию, формирующую тему: «Старею, но по-прежнему учусь» [5, с. 585]. Он рассматривает прожитую жизнь через призму «я-в-себе». Повествование об особенностях процесса приобретения знаний, философских разногласиях с энциклопедистами, отношениях с обществом ведется в форме самоанализа. Это беседа с самим собой, в которой переплетены темы знания и конфликта. Человек, по Руссо, может противостоять воле окружающих. Его собственное противостояние Другим (философам, ученым) возникло в результате отказа от навязываемых «псевдонаучных» взглядов, желания самостоятельно познать истину, приобрести знания о мире и бытии, постичь цель и смысл жизни. Но, противостоя Другим, человек не может противостоять Богу. Конфликт Руссо с обществом – не результат интриг и зла, как в «Исповеди», он осмысливается как предопределенный Богом. Ибо вследствие разрыва с людьми Руссо обрел одиночество, которое дает ему возможность понять смысл жизни: он заключается в самопознании. Казалось бы, узнать смысл жизни, значит достичь своей цели, значит перестать жить. Однако Руссо видит собственный путь: лично его цель – нравственное самосовершенствование и добродетель как вечные ценности. «Буду счастлив, если благодаря собственному совершенствованию уйду из этой жизни ...более добродетельным, чем вступил в нее!» [5, с. 596]. А достижение такой цели процесс бесконечный. Таким образом, в самую основу людского существования у Руссо заложена идея познания и стремления к идеалу как двигателей бытия.

Исповедальные произведения Руссо демонстрируют сосуществование процессов коммуникации и автокоммуникации. Если в самоисследовании «Исповеди» доминирует коммуникативная направленность (по Ю. Лотману «Я

– Он»), то в «Прогулках одинокого мечтателя» акцент смещается в сторону автокоммуникации («Я – Я»). Саморефлексия, и, в итоге, самоадресация выражена гораздо более четко. Причины такого смещения кроются в обстоятельствах написания обоих произведений, в авторских интенциях и разной жанровой природе «Исповеди» и «Прогулок». Исповедь как предельно откровенное слово о себе по определению направлена некому адресату. В случае Руссо глубокий психологический самоанализ делает возможной одновременную направленность текста и Другому, и самому себе. «Прогулки» – сложный жанровый сплав исповеди, автобиографии, дневника и собственно прогулки – представляют собой непрерывную авторефлексию, адресованную во многом самому себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. – М: «Русские словари», 1996. – с. 159-206.
2. Ковалева Е.К. Основные уровни структуры адресата в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо // Від бароко до постмодернізму: Збірник наукових праць. Вип. XI. – Дніпропетровськ: Видавництво ДНУ, 2007. – с. 88-92.
3. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: "Я" и "Другой" как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. – С. 159-165.
4. Поліщук Я.О. Література як геокультурний проект: Монографія. – К.: Академвидав, 2008. – 304 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя // Руссо Ж.-Ж. Избран, соч.: В 3 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. Т. 3. – 727 с.
6. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с. – (Studia philologica).
7. Тюпа В.И. Коммуникативная природа литературы // Теория литературы: Учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: / под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т.1.: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
8. Raymond M., Gagnebin B. Notes et variantes. Fragments autobiographiques et documents biographiques // Rousseau J.-J. Oeuvres completes. Les Confessions. Autrestextes autobiographiques. – P.: Gallimard, 1959. – P. 1833-1880.

АННОТАЦИЯ

Ковалева Е. К. Особенности автокоммуникации в исповедальной прозе Ж.-Ж. Руссо.

Исследуются образцы европейской исповедальной прозы – «Исповедь» и «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.–Ж. Руссо с опорой на концепцию

автокоммуникации Ю. Лотмана. Выявлено смещение акцента в сторону авторефлексии. В «Исповеди» доминирует коммуникативная направленность (по Ю. Лотману «Я – Он») с включениями автокоммуникативных компонентов. В «Прогулках одинокого мечтателя» на фоне общекоммуникативной превалирует установка на автокоммуникацию («Я – Я»),

Ключевые слова: коммуникация, автокоммуникация, исповедальность.

АНОТАЦІЯ

Ковальова О. К. Особливості автокомунікації у сповідальній прозі Ж.-Ж. Руссо.

Вивчаються зразки європейської сповідальної прози – «Сповідь» «Прогулянки самотнього мрійника» Ж.-Ж. Руссо з використанням концепції автокомунікації Ю. Лотмана. Виявлено зміщення акценту у бік авторефлексії. «Сповіді» домінує комунікативна спрямованість (за Ю. Лотманом «Я – Він») присутністю автокомунікативних компонентів. У «Прогулянках самотнього мрійника» на фоні загальнокомунікативної превалює настанова автокомунікацію («Я – Я»).

Ключові слова: комунікація, автокомунікація, сповідальність.

SUMMARY

Kovaliova E. K. The specificity of auto-communication in J.-J.Rousseau's confessional prose.

The masterpieces of European confessional prose: J.-J.Rousseau's "Confessions" and "Reveries of The Solitary Walker" are under analysis. The study is based on the, auto-communicational approach by Y. Lotman. The communicational accent is revealed as sliding to auto-reflection. "Confessions" have a communicational orientation ("I-Him" axis) including fragmentary appearing auto-communicational components. Though the "Reveries of the Solitary Walker" tend to autocommunication ("I-I" axis) on general communication background.

Keywords: communication, auto-communication, confessionalism.